

При знакомстве с работой Фуэнтеса возникает много вопросов, остающихся без ответа. В большинстве полинезийских языков *he* является неопределенным артиклем¹⁴, автор же данной работы относит его к определенным артиклям (стр. 44). Непонятно, почему автор считает *e* (артикл *e te*) относительным местоимением (например, *ku oho a e te poki* 'это ребенок, который ушел' — стр. 85). Фуэнтес указывает на две частицы — *ka* и *ki*, при помощи которых образуется повелительное наклонение. Интересно было бы узнать, каково происхождение частицы *ki* и когда она появилась (в ранних работах по о-ву Пасхи можно найти указание на то, что повелительное наклонение образуется лишь при помощи частицы *ka*).

Автор не отмечает в современном рапануйском языке и некоторых глагольных форм, приводимых Энглертом (например, форм *ku-ro-ai*, *i-ro-ai* и др.). Фуэнтес считает *riki* (стр. 60) формой множ. числа для слова *iti*, хотя и то и другое слово являются, вероятно, параллельными формами, имеющими значение 'маленький' (ср. маор. *riki* 'маленький'). В последней главе грамматического очерка рассматриваются случаи удвоения морфем, но не все. Автор останавливается лишь на типе полного удвоения морфем, хотя для полинезийских языков характерно и неполное удвоение. К числу недостатков рецензируемой работы относится и то, что приводимые примеры часто не дают представления об употреблении тех или иных грамматических форм (см., например, стр. 45, 51, 60, 79 и др.). Однако, несмотря на указанные недостатки, книга Х. Фуэнтеса является полезной работой, в которой собран интересный материал по современному языку о-ва Пасхи.

И. Федорова

¹⁴ Народы Австралии и Океании, стр. 566.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ответ на рецензию В. С. Сорокина

В своей рецензии на мою книгу «Восточный Казахстан в эпоху бронзы»¹ В. С. Сорокин выбрал как объект критики только три вопроса. Это — хронологическая классификация памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане, ее особенности на рассматриваемой территории и происхождение андроновской культуры. Основные, наиболее пространно аргументированные возражения рецензента касаются выделенных мной четырех хронологических этапов. Несогласие именно по этому вопросу служит В. С. Сорокину уже достаточным основанием для общей отрицательной оценки всей книги, поскольку остальные две упомянутые проблемы он критикует, не особенно вдаваясь в подробности.

Так как В. С. Сорокин считает, что вся предложенная мной хронологическая классификация неверна и доказательств ее «от начала до конца ошибочны», — а эти вопросы наиболее существенны в любом археологическом исследовании, — посмотрим в свете фактического материала, насколько правильны утверждения рецензента.

Кочаные листовидные орудия, относимые мной к первому усть-буконьскому этапу (синхронному окуневскому), по мнению В. С. Сорокина, «типологически» не андроновские и отнесение их к этому наиболее раннему этапу андроновской культуры «произвольно».

Я не буду повторять всю аргументацию, она достаточно подробно изложена на стр. 95, 96 моей книги, напомним только, что ножи листовидной формы найдены в Окуневском могильнике и в Омском кладе, что орудия этих типов встречены во всех соседних культурах, синхронных этому этапу, — афанасьевской, глазковской, катакомбной, ямной.

Сосуды из Усть-Буконьского могильника В. С. Сорокин переносит в следующий этап на том основании, что они «находят себе полные аналогии» в материалах из поселения у аула Канай. Между тем, никакой «полной аналогии» нет. На сосудах из Канайского могильника — широкая полоса окаймленных вдавлениями зигзагообразных оттисков гребенчатого штампа и полосы косых оттисков гребенчатого штампа с треугольниками у венчика. На усть-буконьских же — горизонтальные полосы вдавлений и косых насечек, покрывающих всю поверхность андроновского по форме сосуда (см. табл. VII и XIX)². Такой прием орнаментации всего сосуда горизонтальными полосами восходит еще к неолиту (сошлюсь на работы Брюсова, Гуриной, Фосс, Чернецова и др.) и никак не характерен для керамики федоровского типа.

Могилу 9 Канайского могильника В. С. Сорокин считает не андроновской. По его мнению, этому противоречит обряд погребения (на спине, с поднятыми коленями), а прямоугольная ограда встречается также и в афанасьевских могильных памятниках.

Однако о таком обряде погребения М. П. Грязнов писал следующее: «Для оку-

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем — МИА), № 88, М. — Л., 1960.

² Здесь и далее в тексте ссылки на таблицы моей книги.

невского этапа (андроновской культуры.— С. Ч.) характерен еще афанасьевский обряд погребения умерших на спине, с поднятыми вверх коленями»³. Сосуд, найденный не рядом с погребенными, а в засыпи могильной ямы, «весьма сомнительным» не является, так как могила была сильно потревожена грызунами, и обломки раздавленного сосуда вполне могли оказаться выше, как оказались выше наконечник стрелы и некоторые кости. Этот сосуд может быть только плоскодонным, так как все остродонные широкогорлые сосуды и в неолите, и в афанасьевской, и в ямной и в других ранних культурах имеют прямые стенки, а здесь налицо изгиб, характерный именно для плоскодонной керамики. Орнамент же в виде беспорядочно оттиснутых вдавлений встречается на втором этапе, в Канайском поселении (табл. XVIII, 3, 12, 21), а также на Оби⁴. И, наконец, антропологический тип похороненного в могиле 9 мужчины — андроновский (тип женщины не мог быть определен ввиду плохой сохранности черепа)⁵. В. С. Сорокин здесь пишет, что в определении термина «археологическая культура» у А. Я. Брюсова (которую я воспринял «некритически») меня привлекла возможность «связать культуру с этносом» и ссылается на погребенного в могиле 9 у Каная. Но у меня об этом нет ни слова. Это и понятно, так как об этносе андроновских племен мы сколько-нибудь уверенно судить еще не можем. Анализируя могилу у аула Канай, я рассматриваю антропологический тип не как показатель этноса, а только как определенный, наряду с другими, признак, в данном случае характеризующий именно андроновскую культуру, так как в погребениях других культур, в частности в афанасьевской, андроновского антропологического типа мы не встречаем.

Следовательно, могила 9 все-таки андроновская, но она более ранняя, чем второй (канайский) этап, об этом говорят положение погребенных, архаический наконечник стрелы, охра, кости дикой козы. Действительно, памятников этого типа известно пока очень мало, но они есть, они не похожи ни на энеолит Казахстана, ни на афанасьевскую культуру и свидетельствуют, что был какой-то период времени, в течение которого вырабатывались те характерные черты андроновской культуры, которые мы видим на втором этапе.

Итак, утверждения В. С. Сорокина, что памятники, относимые мной к первому этапу, не являются раннеандроновскими и что мою попытку выделить этот первый этап «следует считать не состоятельной», при проверке фактическим материалом оказываются, на мой взгляд, недостаточно убедительными.

Особенно подробно В. С. Сорокин рассматривает третий (малокрасноярский) этап, который соответствует алакульскому. К нему я отношу часть керамики с геометрическим орнаментом, керамику с наlepным валиком и определенную группу бронзовых орудий.

Если более четко сформулировать возражения В. С. Сорокина, то они сводятся к следующему: по его мнению, керамика с наlepным валиком относится к четвертому этапу, а вся керамика с геометрическим орнаментом — ко второму. Бронзовые орудия (восточноказахстанских форм) он переносит также в четвертый этап и на этих основаниях объявляет третий (малокрасноярский) этап «фикцией». Для решения этих спорных вопросов обратимся к материалу. Начнем с керамики.

На поселениях андроновской культуры существует четыре основных типа керамики:

1. Керамика федоровского типа.
2. Керамика алакульского типа.
3. Керамика, орнаментированная наlepным валиком.
4. Керамика с грубым орнаментом.

Все четыре типа керамики встречаются примерно одинаково часто, но на отдельных поселениях в самых различных сочетаниях (см. таблицу)⁶.

В распределении керамики по разным областям распространения андроновской культуры можно уловить определенные закономерности:

1. Керамика федоровского типа распространена по всей территории андроновской культуры, кроме районов Орск — Актюбинск, Семиречья и Средней Азии. На Енисее, Оби и на части поселений Восточного Казахстана федоровский тип является единственным.

2. Керамика алакульского типа совершенно нет в Восточном Казахстане, на Оби и Енисее. Единственным типом она является пока только на поселении Тасты-бутаки в Западном Казахстане (раскопки В. С. Сорокина).

3. Керамика с наlepным валиком ни на одном поселении не является единствен-

³ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, М.—Л., 1956, стр. 18. М. П. Грязнов ссылается здесь на работу М. Н. Комаровой и А. Н. Липского, где приведены конкретные случаи такого положения погребенных.

⁴ М. П. Грязнов, Указ. раб., табл. III, 17 (БЕ XIV, могила 28).

⁵ Определенные В. В. Гинзбургом материалы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1952 г. Ссылка на стр. 34 действительно дана у меня неверно.

⁶ В таблице, чтобы исключить элемент случайности, взяты только те поселения, где производились раскопки или обследования, давшие большое количество керамики. Таких оказалось 35 из 102. Жилища 1 и 2 на поселении Усть-Нарым я рассматриваю как два неодновременных поселения (второго и четвертого этапов), что доказывается расположением керамики и характером жилищ (см. табл. XXIV). С этим согласен и В. С. Сорокин.

Распределение типов керамики на поселениях андроновской культуры

Поселения	Федоровский тип	Алакульский тип	Керамика с налепным валиком	Керамика с грубым орнаментом	Географические районы	Степень исследования	Примечания
1. Батени	+	—	—	—	Обь и Енисей	обследование	3 поселения
2. Ирмень	+	—	—	—		раскопки	
3. Шляпово	+	—	—	—		»	
4. Канай	+	—	—	—	Восточный Казахстан	»	
5. Барашки	+	—	—	—		обследование	
6. Усть-Нарым, ж. 1	+	—	+	—		раскопки	
7. Усть-Нарым, ж. 2	—	—	—	+		»	
8. М. Красноярка	+	—	+	+		»	2 поселения
9. Трушниково	+	—	+	+		»	
10. Семипалатинские дюны	+	—	—	+		обследование	
11. Омская стоянка	+	+	—	—		раскопки	3 поселения
12. Степняк	+	+	+	+		обследование	
13. Сталинский рудник	+	+	+	+		»	
14. Бес-тюбе	—	+	+	+	Северный Казахстан	»	3 поселения
15. Боровое	—	—	—	+		»	
16. Алексеевский	+	+	+	+		»	
17. Садчиковский	+	+	+	+	Западный Казахстан	раскопки	
18. Тасты-бутак	—	+	—	—		»	
19. Уш-катта	—	+	+	—		»	
20. Замаевский	+	+	+	+		»	
21. Кипель III	+	+	+	+		»	
22. Кипель I	+	+	—	—		обследование	
23. Ново-Бурино	+	+	+	+	Зауралье	раскопки	
24. Ангка-5	—	+	+	—		»	
25. Кават-3	—	+	—	—		»	
26. Джаильма	—	+	+	+	Средняя Азия и Семиречье	обследование	
27. Каинда	—	+	+	+		»	
28. Кайрак-кумы	—	+	—	+		»	
Количество поселений с данным типом керамики	25	21	19	20			

ным типом; она всегда находится в разных сочетаниях с одним, двумя или тремя другими. С керамикой только федоровского типа она встречена на одном поселении (Усть-Нарым, жилище 1). С керамикой только алакульского типа — на двух поселениях (Уш-катта и Ангка-5). Ни разу не встречена только с керамикой с грубым орнаментом.

4. Керамика с грубым орнаментом является единственным типом только на поселении Усть-Нарым, жилище 2, и у Борового. На остальных поселениях встречается чаще всего в сочетании или со всеми тремя типами (в Северном, Западном Казахстане и Приуралье — 7 поселений), или в сочетании с алакульским типом и керамикой с налепным валиком (Семиречье — 2 поселения, Сев. Казахстан — 1 поселение), или с федоровским типом и керамикой с налепным валиком (Восточный Казахстан — 2 поселения). На одном поселении (Кайрак-кумы) встречена только с алакульским типом и на двух (Семипалатинские дюны) — только с федоровским.

Исходя из приведенных материалов, мы не можем относить керамику с налепным валиком к тому же времени, что и керамику с грубым орнаментом, т. е. к четвертому этапу, и смешивать их в одну группу. Этому противоречат факты — материалы с поселений Уш-катта и Домбаровском районе Оренбургской обл.⁷ и Ангка-5, отсутствие поселений, где бы встречалась только керамика с налепным валиком и керамика с грубым орнаментом.

Не можем мы относить распространение керамики с налепным валиком и ко второму этапу, так как в этом случае она была бы на Енисее, Оби, в Канайе и Барашках.

Здесь я допустил ошибку, не оговорив (на стр. 99), что валик на сосудах из Орака и Каная действительно не налепной. Я имел в виду, что такой принцип орнамента-

⁷ Это поселение раскапывала в 1959 и 1960 гг. Е. Е. Кузьмина. Она любезно показала мне этот материал. См.: Е. Е. Кузьмина, Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области, «Вопросы археологии Урала», вып. 2, Свердловск, 1962.

ции сосудов зародился еще на втором этапе. Но я не думал и не думаю, что керамика с налепными валиками существовала уже тогда. Как показывают наши материалы, она появилась только на третьем этапе, в этом отношении я расхожусь с О. А. Кривцовой-Граковой.

Приведенные материалы с достаточной, по-моему, убедительностью говорят о том, что не только в Восточном Казахстане, но и на всей территории андроновской культуры керамику с налепным валиком нельзя смешивать с керамикой с грубым орнаментом и на этом основании относить ее к четвертому этапу. Правда, в Восточном Казахстане валики изредка попадают и на четвертом этапе, но делались они тогда защитом и имеют острые грани (табл. VIII, 4). Эти факты в какой-то мере В. С. Сорокин, видимо, учитывает и довольно непоследовательно, с точки зрения всего своего изложения, относит керамику с налепным валиком к концу алакульского (т. е. третьего) этапа. Для того чтобы доказать, что выделенные мной на поселениях Восточного Казахстана группы керамики не могут относиться к разным хронологическим этапам, В. С. Сорокин пишет, что керамика с налепным валиком и керамика с грубым орнаментом в М. Красноярске и Трушникове встречена вместе, в то время как на рис. 7 и 11, на которые он ссылается, видно, что это не так. Встречаются они действительно вместе на одном поселении, но в разных его местах. При этом Усть-Нарым, по его мнению, «можно не учитывать», так как там это раздельное залегание очень уж наглядно и не подтверждает его мысль. А затем он относит оба эти поселения (где встречены все три типа керамики) к одному «заклчительному» этапу андроновской культуры. Большим недостатком планов распределения керамики на поселениях (рис. 7, 11 и табл. XXII) является то, что керамика с геометрическим орнаментом и керамика с валиком обозначена одним знаком. Так было сделано при подсчете, а потом переделать что-либо было уже невозможно, так как коллекции были отправлены в Усть-Каменогорский музей. Во всяком случае никаких намерений «отступать от объективности» и «сознательно навязывать читателю» что-либо у меня не было.

От керамики третьего этапа В. С. Сорокин переходит ко второму (канайскому) этапу, с которым вроде бы и соглашается, хотя и с оговорками, и даже дополняет, переноса, как он пишет, «керамику могильников Сарыколь I и II и Малый Койтас» из третьего этапа во второй. Однако перечисленные могильники я отношу к третьему этапу не столько по керамике, сколько по ряду других соображений. В Сарыколе курганы далеко не «весьма скромных размеров» — насыпи до 19 м диаметром, обставленные огромными камнями. На втором этапе таких курганов нет вовсе, а на третьем этапе есть (Айдабуль). Почему же это «по меньшей мере наивно»? Что касается могильника Малый Койтас, то на стр. 99 датировка его третьим этапом подробно обоснована. В рецензии же эта мся аргументация просто не замечена и никак не опровергнута. В этой ее части (как и во многих других) категоричность суждений заменяет собой доказательства. В. С. Сорокин не учитывает также, что керамика с геометрическим орнаментом в Восточном Казахстане может быть в какой-то мере расчленена на более раннюю — второго этапа и более позднюю — третьего (стр. 98). В частности, орнамента раннего типа в виде «жемчужин» совершенно нет на сосудах из этих трех могильников.

Далее В. С. Сорокин лишает второй этап почти всех бронзовых орудий. Вот каков ход его рассуждений. На Канайском поселении найден наконечник копья, не похожий на сейминские, которые отрывать от кельтов «невозможно». Кельты сейминского типа в Восточном Казахстане есть, — значит, они позднее канайского этапа, так как раз есть кельты, то и копья обязательно должны быть сейминскими. Два же типа копий на одном этапе немислимы, утверждает В. С. Сорокин. Но почему андроновцы не имели права делать копья двух типов? Он подкрепляет эту свою мысль еще и тем, что канайский наконечник, по его мнению, «несравненно более примитивный». Это неверно. Оба типа копий втульчатые, требовали для своей отливки сложной, разъемной формы с вкладышем, только один тип — короткий и массивный, другой же — длинный и тонкий. В Восточном Казахстане есть оба этих типа. Только на этом основании В. С. Сорокин считает, что канайский этап начинается не в XVI в. до н. э., как предполагаю я, а в XV в.

Он пишет и о кельтах, «считаемых С. С. Черниковым местным, казахстанским орудием». Но я нигде не писал, что кельты сейминского типа происходят с территории Казахстана. В книге, на стр. 81, на этот счет сказано следующее: «Г. Чайльд высказывает предположение, что родина этих кельтов — Урал. Скорее — это лесостепная полоса Западной Сибири, где больше всего их и найдено».

Затем В. С. Сорокин переходит к кинжалам «с выемками у основания» (ножом срубного типа?), которые, по его мнению, никак не старше алакульского этапа и относить их к федоровскому — «незаконно», хотя в соседней срубной культуре они известны в очень ранних (полтавкинских) памятниках. Действительно, на территории андроновской культуры почти все кинжалы этого типа найдены в погребениях третьего этапа, но только потому, что на втором этапе никакого оружия в андроновские могилы не клали. Невозможно допустить, что на протяжении всего второго этапа между срубной и андроновской культурами существовала такая разобщенность. А в свете последних находок К. Ф. Смирнова и Э. Л. Федоровой-Давыдовой следует подумать, не синхронна ли какая-то часть алакульских памятников в Западном Казахстане федоровским в Челябинской области. Такую возможность не исключает и К. В. Сальни-

ков. Еще более легко исчезли из второго этапа серпы, вислообушные топоры и втульчатые наконечники стрел. Бронзовые же орудия восточноказахстанских форм, относимые мной к третьему этапу, уже вовсе без всякой аргументации рецензент причисляет к четвертому. В. С. Сорокин здесь не учитывает, что эти типы орудий носят уже следы влияния карасукской металлургии, т. е. XIII—XII вв. до н. э., а начало четвертого этапа — IX в. до н. э. С этими датами он как будто не спорит. Но тогда получается необъяснимый разрыв в 300—400 лет.

Теперь об абсолютной хронологии. В. С. Сорокин пишет: «Приняв за основу предложенные С. В. Киселевым общие рамки андроновской культуры — от XVII и до XV—XII вв. до н. э. и прибавив время карасукской культуры, С. С. Черников датирует андроновскую культуру XVIII—VIII вв. до н. э.» Тут он намекает, что я сделал что-то совершенно произвольное — взял, да прибавил ко времени андроновской культуры время карасукской. Что это не так просто, видно, по-моему, из главы четвертой «Хронология андроновских памятников Восточного Казахстана», где я подробно разбираю этот вопрос. В этой главе, все «заранее принятые хронологические рамки» (что ставится мне в вину в рецензии) обоснованы как предшествующими исследованиями, так и конкретным материалом Восточного Казахстана. Но приняты эти рамки далеко не «заранее».

В своем понимании хронологических этапов я исхожу из того, что типологическое деление памятников нужно нам не само по себе, а как показатель каких-то исторических и социально-экономических изменений, далеко не всегда улавливаемых на имеющемся материале. Формы керамики, и особенно бронзовых орудий и оружия, не могли изменяться и не изменялись в один день; многие, а иногда и весьма существенные их элементы продолжали существовать и позднее. Кроме того, нужно помнить, что люди эпохи бронзы не подозревали, что изделия их рук будут когда-нибудь классифицированы, а делали их такими, какими в тот момент могли и считали нужными.

Анализ материала показал, что и в керамике поселений Восточного Казахстана, и в бронзовых орудиях можно выявить определенные комплексы предметов, различающиеся между собой. Эти комплексы, находящиеся в определенных сочетаниях, имеют черты сходства с комплексами предметов на других территориях андроновской культуры, где они достаточно обоснованно датируются. Это и дало мне основания для хронологической классификации андроновских памятников в Восточном Казахстане и датировки выделенных этапов. Я здесь не выдумывал что-то обязательно новое, этого не позволяет материал. Поэтому первый (усть-буконьский) этап примерно соответствует (и по времени и по характеру памятников) окуневскому, второй (канайский) — федоровскому, третий (малокрасноярский) — алакульскому и четвертый (трушниковский) — замараевско-дындыбайскому⁸. На стр. 94 книги я подчеркивал, что разница в памятниках андроновской культуры в разных районах ее распространения обуславливается не только хронологическими, но и этнографическими различиями. Одним из таких районов, где достаточно четко можно это проследить, и является Восточный Казахстан.

Каковы же позитивные (правда, очень не четко сформулированные) взгляды В. С. Сорокина на эти вопросы? Первого этапа не существует. На втором этапе остаются вся керамика с геометрическим орнаментом и наконечник копья из Канайского поселения. Третий этап «исчезает». На четвертом — керамика с налепными валиками, керамика с грубым орнаментом, и продолжает существовать, как это ни странно, керамика с геометрическим орнаментом. Там же все бронзовые орудия третьего и четвертого этапов и, видимо, большая часть из второго этапа. И все это оказывается «карасукский этап».

Что памятников алакульского типа в Восточном Казахстане, на Оби и Енисее нет — это факт, которого нельзя отрицать. Степень изученности районов, где работали С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, М. П. Грязнов, С. С. Черников и др., сейчас такова, что обнаружить там эти памятники — маловероятно (я это и подчеркиваю на стр. 110 книги). Относить же поселения у Мало-Красноярки и Трушниковки к карасукской культуре или «этапу» — значит идти наперекор объективным фактам.

Прочитав рецензию В. С. Сорокина, я еще раз пересмотрел и тщательно проверил мои положения, но по-прежнему считаю, что предложенное мной хронологическое деление памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане наиболее отвечает фактам, которыми мы располагаем в настоящее время.

Глава 3 — «Особенности андроновской культуры в Восточном Казахстане» также подверглась критике. В. С. Сорокин объявляет «декларативным» мое мнение о том, что высокий уровень металлургии и горного дела не мог здесь не отразиться на уровне жизни и темпах общественного развития. Однако карта на рис. 16 довольно убедительно, на мой взгляд, показывает, что Восточный Казахстан был богаче бронзой, чем другие районы андроновской культуры, и уровень жизни здесь уже хотя бы поэтому должен был от них в какой-то мере отличаться. Что же касается темпов общественного развития, то вспомним, что наибольшее количество памятников майэмйрского этапа (следующего за андроновской культурой) найдено именно в Восточном

⁸ Здесь у меня еще одна ошибка, отмеченная В. С. Сорокиным. Говоря на стр. 96 о непродолжительности первого этапа, я впадаю в противоречие с хронологией. Это мое утверждение неверно.

Казахстане и на Алтае. Думается, что это не случайно. Не случайно в этой связи и то, что в 1960 г. в кургане 5 в Чиликтинской долине были найдены великолепные образцы скифо-сибирского звериного стиля начала VI в. н. э.

В. С. Сорокин, соглашаясь с выделенными мной особенностями бронзовых орудий восточноказахстанских форм, пишет: «Не вызывает возражений указываемое С. С. Черниковым своеобразие восточноказахстанских бронзовых изделий, отражающее значительное влияние карасукской культуры, что уже давно показал М. П. Грязнов». Но здесь он забыл, что М. П. Грязнов в своей статье 1930 г.⁹ ничего о влиянии карасукской металлургии не писал, а список этих орудий с тех пор увеличился вдвое.

Он считает также, что особенности производства и быта «по сути дела не прослеживаются» и делает уже общий вывод: «Установление локальных различий андроновской культуры — дело очень нужное, но в настоящее время вряд ли можно пойти дальше различия в некоторых деталях». Это, по-моему, совершенно неверно. Особенности тазбагъябских, челябинских, центральноказахстанских и восточноказахстанских племен прослеживаются уже далеко не только по деталям. Система земледелия, состав стада, погребальный обряд, характер керамики — это уже весьма существенные стороны жизни, а не детали. В Восточном Казахстане, кроме металлургии и керамики, у меня отмечены еще мотыги, большая роль охоты (23% костей диких животных), многие предметы и особенности жилища. Здесь В. С. Сорокин пытается набросить тень уже и на раскопки Восточно-Казахстанской экспедиции, говоря о «неясности» остатков жилищ. И тем не менее, шалашеобразные ограждения и дворик в Мало-Красноярке действительно являются особенностью Восточного Казахстана. Чертежи и фотографии на табл. XXXII и XXXIII достаточно, на мой взгляд, ясны и документальны.

Перейдем теперь к вопросу о происхождении андроновской культуры. Из текста рецензии можно сначала понять, что В. С. Сорокин вроде и согласен с тем, что она возникла на основе казахстанского энеолита. Однако он протестует против моей первой карты на рис. 20, говоря, что «С. С. Черников резко сужает территорию, на которой, по его мнению, складывается андроновская культура». Здесь он опять не замечает моей аргументации. Дело не только в «ограниченности наличного материала». Из территории, где могла возникнуть андроновская культура, надо исключить Западный Казахстан и Среднюю Азию, поскольку в этих районах нет памятников первого и второго этапов, а объяснять этот факт недостаточностью наших знаний — после исследований М. П. Грязнова, М. А. Итиной, Б. А. Литвинского, К. Ф. Смирнова, В. С. Сорокина, С. П. Толстова и др. уже не приходится¹⁰. На карте я наметил территорию первого этапа там, где есть памятники, которые можно к нему отнести. Я не объединил даже пунктиром районы Иртыша и Ишима. Для этого действительно нет пока оснований. Но я не сомневаюсь, что дальнейшими исследованиями эти лакуны будут заполнены, и границы первого этапа может быть будут несколько расширены на запад и юг, но никогда не сравнятся с границами второго этапа¹¹.

Мы часто забываем, что процесс сложения той или иной устойчивой группы племен — это процесс не только социально-экономический, но и политический. Походы, завоевания, перемещения и даже истребление отдельных племен играли огромную роль в жизни людей эпохи бронзы и не могли не оказывать значительного влияния на развитие материальной культуры, по остаткам которой мы только и можем об этом сейчас судить.

Я думаю, что в XVIII—XVI вв. до н. э. сильные и подвижные племена жили именно между Иртышом и Ишимом. Этим племенам, помимо расширения собственной территории, теми или иными способами удалось, видимо, передать многие свои этнографические особенности соседним племенам. Удалось потому, что и те и другие имели много общего и в уровне культуры и в основных тенденциях развития.

На стр. 110 книги я привожу факты, говорящие о неубедительности гипотезы генетической связи андроновской и афанасьевской культур. Действительно, если мы эту гипотезу примем, то невозможно объяснить несовпадение территории этих культур, появление нового антропологического типа, орнаментацию андроновской керамики, форму бронзовых орудий и многое другое. Поэтому, присоединяясь к гипотезе Г. Ф. Дебеца о переселении андроновцев на Енисей с запада, я рассматриваю Окуневский могильник как памятник, свидетельствующий об ассимиляции андроновцами местного афанасьевского населения, так как иначе его объяснить сейчас нельзя. Судя по мате-

⁹ М. П. Грязнов, Казахстанский очаг бронзовой культуры, в сб. «Казахи», ПИ («Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 15, серия Казахстанская), Л., 1930.

¹⁰ В Оренбургской области, судя по последним раскопкам К. Ф. Смирнова, синхронной первому этапу была, вероятно, ямная культура. См.: К. Ф. Смирнов, Со стояние и задачи археологического исследования Оренбургской области, «III Уральское археологическое совещание в г. Уфе», Тезисы докладов, Уфа, 1962.

¹¹ Видимо, к первому этапу относятся также два погребения, раскопанные недавно в Павлодарской и Карагандинской областях. См.: А. Х. Маргулан, Открытие новых памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана, (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960. Материал, к сожалению, еще не опубликован).

риалу, это могло произойти только в конце первого этапа. Если это так, то Минусинская котловина (и, вероятно, верхняя Обь), не могли быть территорией, где сложилась андроновская культура. Последние находки А. Н. Липского, как я полагаю, подтверждают такую точку зрения. К тем же выводам приходит в своей последней работе и В. П. Алексеев¹².

С этими моими положениями В. С. Сорокин решительно не соглашается. «Нет нужды говорить, что указанное переселение никакими материалами не доказывается. Более того, известно, что М. Н. Комарова в свое время убедительно доказала возникновение культуры окуневского этапа именно на местной афанасьевской основе». Но авторитетность тона не делает его утверждения более убедительными. Свой позитивный взгляд на происхождение андроновской культуры В. С. Сорокин в рецензии не высказывает. Далее он продолжает критиковать мои карты на рис. 20 и таблицу В (на стр. 111). «Дальнейшая история расселения андроновских племен по картам, составленным С. С. Черниковым, отражает, как и в первом случае, скорее состояние наших знаний в сочетании с некоторыми произвольными толкованиями известных фактов, чем историческую реальность». Однако В. С. Сорокин забывает, что «состояние наших знаний» опирается, как уже указывалось, на достаточно хорошую изученность отдельных районов. Не приводит он и «известных фактов», которые, по его мнению, мной произвольно тракуются. Я специально оговорил на стр. 111, что эти карты сделаны приближенно и несомненно будут потом уточнены, но конкретный и достаточно, по-моему, обоснованный материал для их составления уже есть, хотя он и далек еще от желаемой полноты.

Так обстоит дело с основными, наиболее аргументированными и подробно изложенными разделами рецензии. Материалы, которые я здесь привожу, не позволяют мне считать выводы В. С. Сорокина правильными, а доказательства — убедительными. В моей книге использована литература по 1959 г. С 1960 г. вышло в свет еще около 40 работ с публикациями памятников андроновской культуры. Однако новый материал, как мне кажется, не только не опровергает предложенную классификацию и мои взгляды на исторические судьбы андроновских племен, но скорее наоборот — подтверждает их.

Помимо уже упоминавшихся, в рецензии есть и указания на некоторые другие конкретные ошибки. Так, В. С. Сорокин упрекает меня в том, что я опубликовал в книге сводную археологическую карту Восточного Казахстана, называя это «излишеством». Трудно по этому поводу спорить и доказывать, что такая сводная карта совсем не «излишество», тем более, что я рассматриваю эту книгу как том «Очерков по древней истории Восточного Казахстана».

Он пишет также, что публикация материала «изобилует пропусками и ошибками». Пропуски В. С. Сорокин указал совершенно правильно. Их три (все в списке памятников андроновской культуры). На карте и в списке пропущены могильник и поселение Тасты-бутах (раскопки В. С. Сорокина). Далее пропущены указания на Л. Н. Нифонтову (могильник Сарыколь I, хотя в тексте ссылка на ее работу есть) и П. Н. Преображенского (могильник у курорта Боровое). Плана раскопок у аула Канай нет, так как он опубликован А. К. Максимовой (см. ссылку на стр. 27), а анализ наконечников копья и стрелы оттуда же не мог быть сделан потому, что в первом не сохранилось металла, а вторая была, к сожалению, утеряна. Это, конечно, надо было оговорить. Указана и одна ошибка в ссылке на таблицы. Но здесь недоразумение. На табл. XLVII 2 и 4 ножи не изображены, а на стр. 83 никаких ссылок на М. Красноярку и Трушников нет. На странице жет. 82 — ссылка (хотя и без упоминания таблицы) правильная. Кроме того, я нигде не пишу о ножах «с пластинчатым уступом». Здесь рецензент цитирует меня неточно, так что получается бессмыслица. Вот и все «многочисленные упущения и неточности», указанные в рецензии. Пользуюсь здесь случаем исправить еще одно упущение. Реконструкция кирки на табл. L, молота и рудотерки на табл. LII сделаны С. А. Семеновым. В книге это не указано. Приношу С. А. Семенову мои извинения на это совершенно неумышленное умолчание.

Таковы мои возражения на рецензию В. С. Сорокина.

Я прекрасно понимаю, что взялся за трудную задачу, и в моей работе есть спорные и недостаточно аргументированные положения. Но дать обоснованный во всех деталях очерк исторического развития андроновских племен и исчерпывающую характеристику отдельных хронологических этапов — сейчас пока еще невозможно по самому состоянию материала. Те или иные взгляды на эти вопросы неизбежно будут предметом научной дискуссии. Но значит ли это, что такую задачу и ставить преждевременно? Не думаю. Для первого эскиза, пусть даже в какой-то мере и гипотетического, данные у нас все же есть. Если бы я был осторожнее, ограничился пространными описаниями и выделил бы два этапа — федоровский и «карасукский», может быть не было бы повода для столь резких несогласий и выводов, которые мы видим в этой рецензии. Но тогда я не объяснил бы многих фактов, о которых шла речь, и не сумел бы дать даже и такого неполного очерка андроновской культуры как определенного исторического явления, который оказалось возможным сейчас наметить. А это я считаю в моей книге главным.

¹² В. П. Алексеев, Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья эпохи неолита и бронзы, «Антропологический сборник», III, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXI, М., 1961.